

...Приход настройщика был праздником. Открывалась тайна звуков, рождавшихся внутри старого черного пианино. Снимались вертикальные доски, обнажалось нечто фантастическое: бегущие из-под молоточков струны, живые, шевелящиеся деревянные рычажки. Пыль и та была поэтичной — казалось, она осела на загадочных этих механизмах сто лет назад. И начиналось колдовство: настройщик стукнет по клавише, прислушается, что-то покрутит, опять стукнет, опять послушает. Так продолжается часа полтора, потом он ставит черные доски на место и играет — такой игры я не слышал больше никогда. С тех далеких детских пор я уважаю эту профессию, поэтому встречу и беседу с Александром ВОЛЧОНКОМ считаю большой удачей.

Владимир НУЗОВ

— Александр, вы окончили Ленинградскую консерваторию по классу кларнета. Вы считаете, что для настройщика музыкальное образование необходимо?

— Мне представляется, что если вы не умеете играть на инструменте — а фортепиано было первой моей специальностью, — вам никогда не удастся понять и добиться тонкостей в звуке и прикосновении к инструменту, о которых вас просит исполнитель. Не зря великий Горовиц 40 лет работал с одним настройщиком — Францем Муром, а Гилельс многие годы — с Богино. Эти мастера сопровождали своих «подопечных» повсюду, знали не только музыкальные возможности и пожелания каждого из них, но были настоящими артистами в искусстве настройки роялей. Для меня самая большая радость и профессиональное удовлетворение — ездить со своей женой выдающейся пианисткой Оксаной Яблонской и готовить инструменты к ее концертам. Вскоре мы собираемся с концертами в Ирландию, Италию, Швейцарию и Англию. Для меня самая дорогая награда, когда Оксана играет на инструментах, подготовленных мною.

— Что все-таки повлияло на выбор второй профессии?

— Для меня все определилось, когда в 1978 году я решил эмигрировать. Я хотел иметь, кроме музыкальной, какую-то вторую специальность. Выбор был не случаен: мне всегда нравился рояль не только как инструмент, рождающий звуки. Как получается звук, почему у рояля такая форма — эти вопросы и сделали естественным мое желание получить специальность настройщика и реставратора роялей. Люба Брук (партнер по дуэту шахматного гроссмейстера и пианиста Марка Тайманова. — В. Н.) познакомила меня с ленинградским настройщиком Михаилом Израилевичем Якубовским. Это был великолепный мастер, настраивавший рояли в Ленинградской консерватории и филармонии. Он и согласился обучать меня своему ремеслу.

— На каких условиях?

— За шестимесячный курс была назначена плата 300 рублей — божеская цена. Но по истечении трех месяцев мастер сказал, что я могу работать самостоятельно, и вернул часть денег. Мелкий штрих, правда, но говорит о человеке многое. В дальнейшем я продолжал познавать тайны моей новой профессии в Риме, помогая настройщику Академии Санта Чечилия, а здесь, в Америке, неоднократно участвовал в технических семинарах фирм «Ямаха», «Стейнвей» и коммерческих выставках.

Настройка зависит от... настройщика

Александр Волчонок за работой: проверим, как звучит?

— Что же основное в вашей профессии, Александр?

— Красота звука. Музыкальный инструмент прежде всего должен давать красивый звук — на этом построена вся музыка. Необходимо добиться самого лучшего звучания инструмента, чтобы звук, как мы говорим, тянулся, имел хорошую проекцию, чтобы несясь в зал. Для каждого зала, для каждого помещения необходима своя регулировка звука. Механика, конечно, во многом определяет качество звука: как отрегулированы молотки, как отрегулирован так называемый искейп-механизм, которым молоток посылается на струну. Очень многое зависит от силы этого посылка. Второе очень важное обстоятельство — регулировка струн. Важно, чтобы каждая из трех струн, отвечающих одной клавише, была натянута одинаково с соседними. Если струны натянuty неодинаково, появляется металлический призыв или одна струна вообще не звучит.

— А вы это слышите сразу — все ли три струны звучат, нужный ли дают звук?

— Конечно, но это приходит с опытом. И третий определяющий фактор — состояние молотка. Фетр, охватывающий молоток, должен быть ровным и по форме напоминать каплю. И еще одно немаловажное обстоятельство: молоток должен быть немного утончен сверху, тогда он ударяет струну, как пружина. Если же верх молотка сношен, он ударяет струну грубо и звук получается — как бы это сказать? — плоским, нет мелодичного звучания струны.

— Сколько же времени, «держится» настройка?

— Три-четыре месяца.

— Надо настраивать каждые три-четыре месяца? Я-то считал: раз в два года...

— Мастера фирмы «Стейнвей» считают, что идеально настроенный инструмент не может стоять в настройке дольше 48 часов. Почему? Суммарное натяжение струн составляет около 20 тонн, большое влияние оказывает состояние атмосферы...

— Возьмем, к примеру, Карнеги-холл. Как часто там настраивают инструмент?

— Обычно перед каждым концертом.

— Почему же все-таки, Александр, один рояль поет, звук у другого — тусклый и невыразительный?

— Это зависит от многих факторов, в первую очередь — от качества деки. Если бы дека была плоская, никакого звука не было бы. Дека — выпуклая в середине и плоская по краям доски, она и определяет качество звука. Металлическая рама, на которой натянuty струны, также отвечает за «певучесть» инструмента. Если рама сидит очень низко, звук будет звонкий, резкий, неприятный. При высокой посадке рамы звук не объемный, плоский. Рама сажается на фабрике.

— Но при восстановлении инструмента вы раму пересаживаете?

— Иногда. Это достаточно сложная, кропотливая работа, я думаю, читателя эти подробности не интересуют.

— Хорошо. Вы начали заниматься реставрацией роялей в Сан-Франциско?

— Нет, здесь, на Лонг-Айленде.

Это была реставрационная мастерская, я проработал в ней почти год. В мастерской было около 300 инструментов, в том числе изумительные старинные инструменты. За год я отреставрировал тогда около 20 роялей и пианино. Какая-то реставрация занимала неделю, другая — две, случалось возиться и по месяцу.

— Михаилу Барышникову вы здесь настраивали инструмент?

— Нет, это было на том берегу, когда его театр приезжал в Сан-Франциско. Я был настройщиком в тамошнем балете, поэтому работал и для его труппы. Для Паваротти я настраивал тоже. Самая большая похвала для настройщика — когда музыкант отмечает, что инструмент звучит хорошо мягко.

— Существует множество фирм делающих рояли. В Европе, насколько мне известно, очень популярны рояли «Аугуст Ферстер», «Бехштайн». Здесь — «Стейнвей», «Ямаха». Вы можете сравнить рояли этих фирм?

— Впервые я познакомился с «Ферстером», когда играл в 11 лет с оркестром Ярославской филармонии. Это очень хороший инструмент: яркий, но с довольно тяжелой механикой. А «Бехштайн», пожалуй, мой самый любимый инструмент. Но я не стал бы играть на нем в концертном зале — он слишком мягок, это инструмент салонный. Теплота и глубина звука в большом зале не проявляются. «Бехштайн» также самый любимый инструмент Оксаны.

— А на чем играл, скажем, Владимир Горовиц?

— На американском «Стейнвее». У него было их два: один — дома в Нью-Йорке, с которым он ездил по всему миру, второй — в штате Коннектикут. Сейчас на первом играют выдающиеся пианисты мира. Горовиц, как я уже говорил, в течение сорока лет имел одного настройщика — Франца Мура. Вдвоем они просиживали часами, добиваясь необычайной тонкости звучания инструмента. Надо быть не только опытным настройщиком, но и опытным музыкантом, чтобы понять, что хочет маэстро. Есть хорошие мастера, хорошие ремесленники, но они никогда не станут артистами в своем деле, поскольку не играли на рояле как профессионалы. Продолжим разговор о роялях. Рихтер играл на многих инструментах, в том числе и на «Ямахе». Это очень ровный инструмент с великолепной механикой, с которой легко работать, то есть настраивать. Но по звуку он, на мой взгляд, уступает «Стейнвею». Сегодня вряд ли какой-то инструмент может превзойти «Стейнвей» по концертным качествам. Кроме обсуждаемых нами инструментов, есть и другие, например «Ибах» — немногие о нем знают, хотя это один из самых прекрасных инструментов, с которыми я работал.

— Не могу не спросить, какой у вас с Оксаной инструмент дома?

— Сейчас у нас 6 инструментов. Первый — концертный рояль 1870 года, реставрация которого заняла у меня около двух лет. Второй — рояль «Вебер» — изумительной внешней красоты и красоты звука. Кроме этих двух, есть еще немецкие пианино и рояль, возраст каждого из них — 100 лет, они нуждаются в реставрации. У Оксаны есть

новый гамбургский «Стейнвей», великолепный «Бехштайн» 1934 года и пианино «Ямаха», на котором удобно заниматься в наушниках, отключая звук для окружающих.

— Несколько слов о залах, Александр.

— Есть залы с прекрасной акустикой, хорошо спроектированные, с двумя секундами реверберации — это время продолжительности звука. Недавно мы с Оксаной были на Тайване, она играла в зале Чан кай-ши-центра в Тайбее. Это один из лучших современных залов, в которых мне приходилось работать. Огромный зал на две тысячи человек, все стены покрыты деревянными панелями, дубовый пол и обитые сукном кресла. Никаких ковров, никакого бархата. Я не зря акцентировал внимание на обивке кресел. Если ее убрать вообще, звук будет чересчур ярким, а это не очень хорошо. Есть залы с плохой акустикой: это, например, залы небольших колледжей, где пол покрыт ковром и много мягкой мебели, поэтому звук, не успев возникнуть, исчезает. В таком зале невероятно сложно играть, потому что не слышишь, как возникает и исчезает звук. В Ленинграде был зал с великолепной акустикой — зал консерватории, потерявший после ремонта хорошую акустику. Говорят, во время ремонта под сценой обнаружили разбросанные в беспорядке куски зеркал, их убрали — и замечательная акустика исчезла.

— Как вы открыли свой бизнес?

— На то, чтобы поставить свой бизнес, у меня ушло лет пять. Я поехал в Сан-Франциско участвовать в конкурсе на место кларнетиста в оркестре. Места не получил, но позвонил первому же пиано-дилеру. После двухчасовой беседы он предложил мне работу. Я переехал из Нью-Йорка в Калифорнию, проработал у него два с половиной года. За это время у меня появились свои клиенты, но я не спешил. Обо мне услышала компания «Ямаха» и пригласила на работу в Сан-Хосе. Прошло еще три года, и здесь у меня появились свои клиенты, которые рекомендовали меня своим друзьям и знакомым. Настало время открыть свой бизнес. Мне всегда была важна моя репутация. Перед моим отъездом в Нью-Йорк (он связан с женитьбой Александра Волчонка на Оксане Яблонской. — В. Н.) у меня уже было около трех тысяч постоянных заказчиков!

— И вы все бросили и уехали?

— Я буду приезжать туда два-три раза в год, предварительно составляя расписание, чтобы самые ответственные заказы выполнять самому, а не поручать коллегам. Настройщик, как ювелир, — заказчик хочет, чтобы изделие делал именно вы, поскольку он знает или слышал именно о вашей работе.

— Последний вопрос, Александр. Что вы посоветуете нашим читателям — владельцам пианино или рояля?

— Очень хороший вопрос. Ваши читатели, как и многие другие, считают, что приобретенный инструмент можно настраивать раз в два года, — это абсолютно неверно. Струны, как я уже говорил, находятся в сильном натяжении, и когда оно теряется, может лопнуть дека и инструмент становится калеккой. В Нью-Йорке и вообще в этой эрии необходимо настраивать не менее трех раз в год. Влажность здесь скачет от 30 до 80 процентов в течение двух дней, поэтому для поддержания оптимальной влажности, 50—55 процентов, под инструментом необходимо устанавливать термостаты. Они заказываются через настройщика.

— Мне известно, что вы будете читать лекцию примерно на ту же тему, по которой мы говорим с вами, в Оксфорде...

— Я приглашен в Оксфорд в июле. А целый цикл из четырех лекций я прочел недавно на Тайване, они вызвали очень большой интерес как у моих коллег, так и у музыкантов. Аналогичный цикл лекций я прочту до конца года в Швейцарии.

— Спасибо, Александр, за интересную и очень полезную беседу.